ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

СТАРАГО ПРОФЕССОРА СЕМИНАРІИ

(Ф. Ф. Измайлова [1]).

Опредѣленный въ Виѳанскую семинарію профессоромъ физико-математическихъ наукъ и секретаремъ семинарскаго правленія, я началъ службу ораціею къ своимъ ученикамъ и, какъ настоящій профессоръ, университетскій или академическій, излагалъ въ рѣчи, что физико-математическія науки полезны во всякомъ званіи, и въ духовномъ — онѣ необходимы. Не помню, чѣмъ я доказывалъ послѣднее положеніе, — вѣроятно тѣмъ, что, не зная природы, нельзя хорошо разумѣть и о Творцѣ ея; помню однако, что въ примѣръ благоговѣнія предъ величіемъ Божіимъ я ставилъ Невтона, который не иначе произносилъ имя Бога, какъ снявши напередъ шляпу.

---

[1]) О первой части записокъ (недавно умершаго) Ф. Ф. Измайлова, напечатанной отдѣльною книгой подъ заглавіемъ: «Взглядъ на собственную прошедшую жизнь», была помѣщена статья въ апрѣльской книжкѣ *Правосл. Обозр.* 1860 г. Настоящая статья представляетъ продолженіе той книги. Тамъ авторъ описывалъ исторію своего воспитанія въ переяславской семинаріи, старой славяно-греко-латинской, и новой съ 1814 года преобразованной, московской академіи; здѣсь описываетъ онъ время восьмилѣтней наставнической службы своей въ виѳанской семинаріи (съ 1820 до 1828 г.). Описанія автора не могутъ дать много матеріала для исторіи нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, и не отличаются большими литературными по нынѣшнимъ требованіямъ достоинствами, но въ нихъ довольно характеристично и совершенно безпристрастно, безъ всякихъ увлеченій и предубѣжденій, изображаются бытъ и нравы описываемой среды. Наблюдающимъ за внутреннею жизнію нашихъ духовно-учебныхъ заведеній не безъинтересно сравнить, насколько измѣнилась она въ бытѣ наставниковъ семинарскихъ въ продолженіи почти пятидесяти лѣтъ и что осталось въ семинаріяхъ доселѣ подобнаго тѣмъ нравамъ и отношеніямъ, какія описываетъ авторъ. *Примѣч. ред.*

Должность профессора была мнѣ сподручна. предметъ свой я зналъ порядочно, а ученики не знали ничего, кромѣ ариѳметики: поэтому профессорскій дебютъ удался мнѣ какъ нельзя лучше. Совсѣмъ не то вышло съ другою, возложенною на меня, должностію. Профессоромъ опредѣлила меня академія, а секретаремъ, въ то же почти время, семинарія. Не зная, какъ говорятъ, аза въ глаза ни въ порядкѣ канцелярскомъ, ни въ порядкѣ администраціи. я на первый разъ долженъ былъ принять отъ своего предмѣстника дѣла и всѣ прочіе документы правленія; а потомъ—самъ приняться за дѣла, составлять ихъ, распоряжаться письмоводствомъ, и все, что относится къ внутренней и внѣшней дѣятельности правленія семинаріи, приводить въ надлежащее движеніе. Что тутъ дѣлать? Учиться у писцовъ — стыдно; спрашивать у предмѣстника—ему не до того, онъ спѣшитъ сдать должность и выѣхать, да и задерживать совѣстно; предмѣстникъ по секретарству былъ также учителемъ исторіи въ Виѳанской семинаріи, свой братъ, да еще и старшій. Не разсуждая много, я пустился на авось и сказалъ сдатчику: «навѣрное у васъ все въ порядкѣ и на-лицо, а потому потрудитесь приготовить бумагу о сдачѣ и пріемѣ, я подпишу». Разумѣется, тотъ былъ радъ, что нашелъ такого простяка; тотчасъ приготовилъ бумагу, бумага подписана, пошла въ дѣло и сдатчикъ благополучно уѣхалъ.

Наше русское *авось* не всегда выручаетъ: такъ случилось теперь и со мной. Когда я вступилъ въ письменность, но невол долженъ былъ обратить вниманіе на канцелярскій порядокъ. Оказалось, что въ канцеляріи совершенный хаосъ: нѣтъ описей ни дѣламъ, ни документамъ; бумаги не только, что не подшиты, но и не подобраны; реэстры входящихъ и исходящихъ бумагъ запущены мѣсяца за три, потому что писцы, ученики семинаріи, уходили на вакацію; добрый секретарь ихъ отпустилъ, а послѣ выходя въ отставку, ни о чемъ уже не заботился. Только журналы засѣданій довольно были исправны, и то кой-гдѣ нашлись анахронизмы, напримѣръ на бумагѣ помѣчено число слушанія, а въ журналъ занесена она подъ другимъ числомъ, или хоть подъ тѣмъ же, но въ день табельный, когда засѣданія не могло быть и не было. Вотъ тебѣ и *авось*! Обращаюсь къ ректору, упрекая, зачѣмъ сдѣлали меня секретаремъ: «ктожъ васъ зналъ, зачѣмъ такъ приняли? сами оплошали. Впрочемъ бѣды большой нѣтъ; семинарскій архивъ невеликъ, въ шесть лѣтъ не могло накопиться дѣлъ много; потрудитесь, мы вамъ сколько-нибудь поможемъ; исподоволь — все упорядочится».

Къ счастію, профессорская должность отнимала у меня не много времени—одни учебные часы, которыхъ было 12 въ недѣлю: шесть по классу математики и шесть по классу французскаго языка; остальное время я рѣшился посвятить юриспруденціи,

и покуда не завелся еще знакомствомъ и не свыкся съ свободною или гулевою жизнію, успѣлъ перечитать всѣ уставы духовно-учебныхъ заведеній, всѣ, за шесть лѣтъ, журналы семинарскаго правленія и, съ помощію двоихъ писцовъ, пополнилъ входящій и исходящій реэстры, подобралъ бумаги и составилъ дѣла, хоть не совсѣмъ исправно, все же лучше, нежели какъ было прежде. Конечно, труда употреблено не мало, но за то я хорошо ознакомился съ администраціею духовныхъ училищъ. Значитъ, мое *авоеь* не обмануло; безъ него едвали бы я принялся за чужую работу и не скоро бы сдѣлался такимъ опытнымъ секретаремъ, на которомъ можетъ и должно обезпечиваться цѣлое присутствіе.

Вотъ лица, какими я, въ началѣ службы, былъ обставленъ и которыхъ свойства и характеры, словно, врѣзались въ мою память:

Ректоръ, при которомъ я поступилъ профессоромъ, былъ человѣкъ цивилизованный; служить при немъ, казалось мнѣ, и легко и пріятно. Онъ дѣйствительно пособилъ мнѣ привести канцелярію въ порядокъ, не только не затруднялъ меня своими административными распоряженіями, нерѣдко у мелочныхъ начальниковъ нужными, но останавливалъ иногда и самыя нужныя, дабы дать мнѣ время обдумать исполненіе. Относительно профессоровъ и учителей ректоръ держалъ себя благородно и обращался больше товарищески, нежели какъ начальникъ: мы его любили и не боялись; чтили за доброту души, однако не за умъ; одобряли въ немъ снисходительность къ низшимъ, но порицали слабость предъ высшими. Есть, конечно, во всякомъ начальникѣ свои недостатки, но недостатки ума не столько тяжелы, сколько недостатки сердца; первые не стѣсняютъ дѣятельности подчиненныхъ, а вторые вяжутъ по рукамъ и по ногамъ. Вотъ причина, почему мы любили своего ректора и питали къ нему душевное уваженіе! При немъ всѣ, и учащіе и учащіеся, дышали свободно. Однажды, во время публичнаго испытанія, предсѣдательствующій на этомъ актѣ сдѣлалъ ему слишкомъ рѣзкое замѣчаніе за неудачное рѣшеніе одного богословскаго вопроса; ректоръ, человѣкъ деликатный и чувствительный, смутился и замолчалъ. Неосторожная выходка предсѣдателя оскорбила всѣхъ насъ. Мы знали, что подобныя своевластительскія замашки случались и въ академіи, заведеніи высшемъ семинаріи; но примѣръ насъ не утѣшалъ. Намъ больно было видѣть, что за вину, въ педагогіи обыкновенную, нанесенъ былъ столь жестокій ударъ, какой трудно вытерпѣть и человѣку грубому; притомъ нанесенъ такому лицу, которое никогда не позволяло и ни въ какомъ случаѣ не позволило бы себѣ ничего похожаго.

Поступкомъ предсѣдателя мы обидѣлись не меньше, какъ и самъ ректоръ. Чтожъ можетъ быть съ нами, людьми, ректору подчиненными? Выходитъ, намъ можно получить публично предъ уче-

никами и глупца и дурака, и, пожалуй, увидѣть поднятую палку. Горько! Посудили, посердились, поспорили, побранили, съ тѣмъ однакожъ и остались.

Инспекторъ, второй начальникъ въ Вятанской семинаріи, былъ человѣкъ иного настроенія, нежели ректоръ. Магистръ изъ старшихъ кандидатовъ петербургской академіи, профессоръ философіи, онъ думалъ о себѣ высоко; съ сверстниками не равнялся, а насъ новичковъ, меня и товарища, поступившаго въ семинарію вмѣстѣ со мною, не ставилъ въ грошъ, обращаясь тономъ начальника съ нами. Я не полюбилъ инспектора. Способностями и образованіемъ онъ былъ не выше меня; но корчилъ философа и явно показывалъ, что онъ умнѣе всѣхъ въ семинаріи. Всѣ знали, что онъ любитъ поважничать и доставляли ему на то случаи, не обижаясь чванствомъ.

Инспекторъ этотъ былъ свѣтскій, т.-е. не изъявившій желанія, послѣ училищной службы, поступить въ духовное званіе; женатъ, но бездѣтенъ. Жена—дама образованная, одна въ цѣлой Вятаніи, гдѣ, кромѣ деревенскихъ бабъ, никакой порядочной женщины не сыщешь. Кроткая, подъ характеромъ мужа подозрительнымъ, она имѣла одно удовольствіе, что приглашала къ себѣ изъ Москвы свою подругу, дѣвицу, также образованную, которая ѣзжала къ ней часто и гостила подолгу особенно лѣтомъ, дѣля съ ней уединеніе.

Я жилъ въ одномъ съ инспекторомъ корпусѣ, отдѣленный стѣною, деревянною, и хотя имѣлъ свои сѣни, но были сѣни и общія. Сосѣдство близкое, а сосѣдки—очень недурненькія; черезъ стѣну я могъ ихъ слышать, а въ сѣняхъ—съ ними встрѣчаться, что нерѣдко и случалось. Когда мои сосѣдки были дома однѣ, онѣ, будто не зная, что ихъ можно подслушать, вбѣгали въ смежную комнату, рѣзвились, пѣли, а иногда говорили обо мнѣ. Что у нихъ было на умѣ, я не хотѣлъ догадываться, но чувствовалъ ихъ на себя вліяніе: взглядъ, голосъ и рѣчь пріятной женщины для мужчины, если онъ не чудакъ какой или экцентрикъ, всегда полезны. Я старался себя держать такъ, чтобы поведеніемъ или какимъ-нибудь неприличнымъ поступкомъ не подать сосѣдкамъ повода говорить обо мнѣ худо.

Инспекторъ не долго пробылъ при мнѣ въ семинаріи; чрезъ два года онъ вышелъ въ отставку, съ намѣреніемъ поступить на службу въ гражданское вѣдомство. Въ послѣднее время онъ успѣлъ выдать замужъ подругу своей жены. Дворяночка, польской націи, круглая сирота, она воспитывалась у одной русской княгини и по смерти ея принуждена была выдти за вдовца—старика лѣтъ шестидесяти слишкомъ: Счастливецъ женихъ, это—нашъ и академическій штабъ-лекарь, недавно овдовѣвшій и по смерти жены жившій въ ладу съ ея горничною; за то бездѣт-

ный, коллежскій совѣтникъ, кавалеръ и богатъ. Что побудило инспектора устроить такой неравный бракъ и отравить жизнь юнаго, добраго и милаго существа, какимъ всѣ считали мою знакомку? Конечно, ужъ не философія, которою онъ хвалился, и не то, чтобы хотѣлось сбыть съ рукъ отдавшуюся на его попеченіе сиротку, а просто, кажется, такое же пузырство, какимъ онъ вообще отличался въ своихъ дѣйствіяхъ. Дай какъ нибудь знать, что эта дѣвица не прочь, если кто изъ лицъ духовнаго званія попроситъ руки ея, женихи нашлись бы помоложе, поумнѣе и пообразованнѣе. О женитьбѣ я еще не думалъ; но когда бы предложили мнѣ такую невѣсту, поколебался бы и, очень можетъ быть, что рѣшился бы раздѣлить съ ней судьбу свою. Нѣтъ! Какъ отдать дворянку за кутейника? Я самъ дворянинъ—коллежскій ассесоръ; послужу—буду бариномъ; къ какой же стати мнѣ якшаться съ попами и причетниками? Неприлично. Вотъ, думаю, какъ разсуждалъ нашъ виѳанскій философъ, устроя бракъ своей кліентки.... И устроилъ! Несчастная промучилась года четыре, зачахла и скончалась, какъ подрѣзанная на корнѣ роза, только-что распустившаяся. Да и попечитель ея не дожилъ до барства; онъ тоже скоро умеръ, въ Петербургѣ, гдѣ въ искателяхъ службы ни мало не уважаютъ ни профессорства, ни инспекторства.

Инспекторъ въ семинаріи хотя по своей должности не имѣетъ никакого вліянія на учащихъ и равенъ имъ въ порядкѣ чиновъ и по службѣ, все же есть второй училищный начальникъ; онъ членъ правленія и непосредственный блюститель нравственности и поведенія учащихся. Я это понималъ, и уважалъ нашего чваннаго инспектора, хотя и неискренно. За инспекторомъ—всѣ прочіе были уже мнѣ товарищи: двое старшіе меня по службѣ, одинъ поступившій вмѣстѣ со мною, и экономъ, который, относительно круга семинарскихъ властей, если не ученый, держится на периферіи.

Старше всѣхъ былъ учитель словесности и нѣмецкаго языка—личность по многимъ отношеніямъ замѣчательная. Умный природно, образованный школою и свѣтомъ, пріятной наружности и характера, завлекающаго въ пріязнь и дружбу, этотъ человѣкъ былъ только студентъ и, кажется, не хотѣлъ быть ничѣмъ больше. Сынъ почтеннаго отца, онъ учился въ двухъ академіяхъ, въ прежней московской, или славяно-греко-латинской, и въ новой с.-петербургской; въ московской кончилъ, а въ с.-петербургской началъ курсъ въ числѣ первыхъ: но что помѣшало ему кончить между первыми и въ послѣдней, и получить степень магистра или хоть старшаго кандидата, разгадать трудно; подъ конецъ курса, съ годъ онъ не посѣщалъ почти академическихъ лекцій и — не по болѣзни, а по какому-то сплину не готовился къ окончательному экзамену и даже его не принялъ; слѣдствіемъ чего было то,

что, продолжая учиться студентомъ десять лѣтъ, онъ. богатый природными дарами, остался студентомъ же.

Поступивъ на службу въ Вифанскую семинарію при ея преобразованіи, этотъ умный и на все способный студентъ въ первую же ревизію показалъ себя отличнымъ учителемъ. Ревизоръ и академическое начальство, изъявивъ ему признательность, сдѣлали предложеніе написать диссертацію на какую-нибудь, по своему выбору, богословскую тему и обнадеживали дать степень магистра; обѣщался, но за диссертацію приняться и не думалъ, несмотря на то, что съ магистерскою степенью, кромѣ ранга, соединена пенсія въ 350 р. асс., что при скудномъ семинарскомъ жалованьи совсѣмъ не бездѣлица. Спокойный и довольный настоящимъ, нашъ студентъ весь свой вѣкъ прожилъ студентомъ и учителемъ словесности.

Въ обществѣ онъ былъ соловей; его слушали съ удовольствіемъ ученые и неученые, монахи и свѣтскіе, мужчины и женщины. Острый безъ колкости, въ шуткахъ юмористъ, проказникъ безъ обиды,—словомъ, человѣкъ съ которымъ радъ встрѣтиться, и жаль, когда разстаешься. Никогда я не слыхалъ, чтобы онъ жаловался на начальство или порицалъ его; никогда не видалъ, чтобы относился о комъ-нибудь съ презрѣніемъ; никогда не сомнѣвался, чтобы отказалъ кому въ нужной помощи или услугѣ: напротивъ, умѣя говорить со всякимъ его языкомъ, онъ не отгонялъ отъ себя никого—ни ребенка, ни мужика, ни простой женщины, но принималъ каждаго привѣтливо и обходился ласково, давалъ совѣты, утѣшалъ, помогалъ, чѣмъ и какъ могъ, только не деньгами, которыхъ у него не было, потому что, получая жалованье 650 руб. ассигн., онъ долженъ былъ скупиться по неволѣ.

Такого товарища нельзя было не любить и не почитать, и я любилъ и почиталъ его душевно; дѣлилъ съ нимъ свободное время въ бесѣдахъ, прибѣгалъ къ нему въ случаяхъ надобности, и въ началѣ нерѣдко пользовался его совѣтами, какъ учителя опытнаго. Въ Вифаніи, пустынной и зимою очень скучной, дорогъ пріятный и готовый на всякое, только непостыдное, угожденіе товарищъ. Я прожилъ съ нимъ восемь лѣтъ въ совершенномъ согласіи, и разставшись, не встрѣчалъ уже подобнаго сослуживца нигдѣ.

Другой, старшій меня изъ вифанскихъ товарищей, занималъ каѳедру церковной исторіи и училъ греческому языку. Это, іеромонахъ и кандидатъ изъ перваго курса московской академіи, человѣкъ смирный и способный больше молиться за родъ человѣческій, нежели въ чемъ ему содѣйствовать. Я жилъ съ нимъ въ мирѣ и могу сказать только то, что люди и съ отрицательно-добрыми качествами не безполезны въ обществахъ.

Этотъ смиренникъ сдѣлалъ однако же мнѣ маленькую досаду:

когда выбылъ чванный инспекторъ, инспекторскую должность ректоры академическій и семинарскій предположили вручить ему, какъ монаху, а мнѣ предложено было занять каѳедру философіи; я, любя предметъ, согласился охотно; но смиренникъ взъерошился, сталъ просить и философской каѳедры; вишь исторію и греческій языкъ онъ знаетъ хорошо, — надобно напрактиковаться и по философіи, философія вишь важнѣе исторіи и языковъ, а инспектору уваженіе нужно. Какъ свой своему по неволѣ другъ, то ректоры на пустыя убѣжденія склонились, и семинарское правленіе представило къ митрополиту съ мнѣніемъ — быть смиреннику и учителемъ философіи. Митрополитъ зналъ, что за мудрецъ представленъ; инспекторомъ онъ его утвердилъ, а о вакантной каѳедрѣ велѣлъ довести до свѣдѣнія коммиссіи духовныхъ училищъ обыкновеннымъ порядкомъ. Прислали магистра, и мы, я и смиренникъ, остались на тѣхъ же стульяхъ. Смиренникъ оскорбился, а я нимало; не сердился даже и на него, зная, что онъ домогался быть философомъ съ простоты, воображая, что для философіи тоже достаточно одной памяти.

Третій товарищъ—товарищъ мнѣ и по академіи. Съ нимъ вмѣстѣ поступили мы на службу; вмѣстѣ и жили въ однихъ комнатахъ и имѣли одинъ общій столъ. Жили мы дружно, расходы держали пополамъ, оба вмѣстѣ принимали гостей и вмѣстѣ же, большею частію, ходили и ѣздили въ гости сами. Смолоду я больше былъ темперамента холерическаго, а онъ — флегматическаго; желанія наши часто не сходились, я на него сердился, а иногда бранилъ и обижалъ его; гнѣвъ мой онъ выносилъ спокойно, не упрекалъ, не возражалъ, за то рѣдко склонялся на мои прихоти и чаще дѣлалъ посвоему; но такимъ образомъ мало-по-малу пріучилъ меня сдерживаться и обращать вниманіе не столько на поступки людей, сколько на ихъ свойства и личное предрасположеніе. Какъ бы то ни было, только мы освоились и не расходились душами никогда: я чту въ немъ человѣка добродушнаго и благочестнаго, а онъ знаетъ меня за человѣка благожелательнаго ему.

Наконецъ товарищъ периферическаго значенія—экономъ, членъ правленія, звено въ зданіи семинарскомъ необходимое, былъ іеромонахъ, неученый. Онъ зналъ лишь грамоту, но могъ бы знать многое. Купеческій сынъ, съ молодыхъ лѣтъ противъ воли отца и матери посвятившій себя иноческой жизни, онъ нѣсколько лѣтъ спасался въ одной пустыни на сѣверѣ и, засѣдѣвши отъ трудовъ и послушаній, въ 1814 году, при преобразованіи московскихъ духовныхъ училищъ, сдѣлался какими-то судьбами экономомъ вифанской семинаріи. Этотъ экономъ разумѣлъ и исправлялъ свою должность хорошо и, какъ человѣкъ, вездѣ и со всякимъ ужившій, былъ любимъ всѣми. Обыкновенно ученики и студенты

рѣдко живутъ съ экономами согласно: то кормятъ худо, то одѣваютъ не такъ, то недодачи въ отпускахъ, то прислуга нехороша, то нѣтъ присмотра—жалобъ, капризовъ и претензій не оберешься. Но первый вновь экономъ былъ не таковъ; семинаристы были имъ довольны, и не только никогда не жаловались, но даже прикрывали случавшіеся иногда его промахи и недосмотры въ экономіи. Откровенный, гостепріимный, нимало не заботящійся ни о себѣ, ни о своемъ завтра, онъ ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ и, если что имѣлъ лишнее, не отказывалъ ученикамъ никогда. Ректоръ понималъ, что у него за экономъ и обходился съ нимъ снисходительно и фамиліарно; мы же считали его за панибрата и подъ часъ любили потрунить надъ нимъ, зная, что онъ умѣетъ извернуться и самъ любитъ поострить; а лучше всего то, что онъ никогда не сердился.

Прошло три года моей службы профессоромъ и секретаремъ, и я зналъ уже хорошо всѣ части семинарскаго управленія; могъ отчетливо слѣдить за дѣлами экономіи и слѣдилъ неопустительно. Часть экономическая шла стройно; въ безкорыстіи и честности завѣдывающаго ею я и никто не сомнѣвался. Бывали неважные промахи и случайныя ошибки; но они исправлялись легко, безъ придирокъ и притѣсненія, какимъ нерѣдко казначеи и экономы подвергаются.

На четвертомъ году взяли отъ насъ нашего эконома и сдѣлали настоятелемъ монастыря въ Москвѣ, за его девятилѣтнюю безкорыстную службу при семинаріи. Жаль было разстаться съ добрымъ и честнымъ сослуживцемъ; но я былъ радъ, что его повысили, и повысили такъ видно.

Радъ былъ и новый настоятель своему повышенію; но, смотрю, что-то пригорюнился. «Что съ тобою, святый отецъ? О чемъ задумался?» — Да что, братъ, задумаешься; надобно явиться предъ братіею начальникомъ, да еще московскаго монастыря; а какъ явиться? Ни приличной одежи, ни нужныхъ около себя вещей, ни даже денегъ на дорогу—ничего у меня нѣтъ. Дѣйствительно, экономомъ онъ жилъ какъ семинаристъ; стулъ, столъ, койка, ложка, вилка и прочій домашній скарбъ—все у него было семинарское, и весь этотъ скарбъ значился въ описи, и его надобно было сдать. Своего же только клобукъ, ряска, масляный кафтанъ, овчинный тулупъ, сапоги и двѣ или три пары бѣлья. Горе новаго настоятеля я передалъ ректору. Ректоръ засмѣялся и сказалъ: «Чтожъ дѣлать? Я знаю, что онъ голъ, какъ соколъ; надобно какъ нибудь помочь; у меня есть лишніе ряса, кафтанъ и трость; я ихъ подарю ему на память; а денегъ на дорогу дадимъ въ займы, разживется — отдастъ.» Ожилъ нашъ бѣднякъ, когда я сказалъ ему о намѣреніи ректора нарядить его.

Хорошее платье лакируетъ видъ и лицо у человѣка; мы иначе

смотримъ, когда одѣты щеголевато, и иначе—когда просто. Ректоръ обѣщаніе исполнилъ; подарилъ новому настоятелю новую же, хотя и не совсѣмъ, шелковую рясу, шелковый же цвѣтной подрясникъ, трость и еще камилавку. Настоятель нарядился и сталъ глядѣть уже по-настоятельски, поднялъ носъ, прошелся предъ нами гоголемъ, полюбовался на себя, какъ ребенокъ; потомъ подумалъ и вдругъ сказалъ: «хорошо-то, хорошо, да не все»; что же такое, спрашиваемъ; «а съ чѣмъ я пріѣду? Одѣтъ, словно архіерей, а съ собой—лишь маленькій узелокъ; ужъ и неловко.»

— «О! этому помочь легко, вскричалъ учитель словесности, есть побольше сундукъ? Набьемъ его чѣмъ нибудь, отправимъ впередъ, и дѣло въ шляпѣ.»

«Сундукъ найдемъ, а не лучше ли чемоданъ?»

— «Нѣтъ! Надо сундукъ; въ чемоданѣ можно ощупать.»

Всѣ закричали: браво! и пошла работа. Сундукъ набили чурками, да полѣньями, прикрыли сверху тулупомъ, заперли, наложили печать и отправили. Хохоту, шутокъ и остротъ было не мало: надолго будетъ, не скоро съѣшь и износишь.

На другой день засадили въ повозку самого хозяина, проводили верстъ десять, разцѣловались и простились до свиданія въ Москвѣ. Разумѣется, предварительно была маленькая попойка, а при прощаньи—посошокъ на дорогу. Обѣдовъ и спичей не было; *ахи*, да *охи*, *кто ты* и *кто я* никому не мѣшали.

Вотъ какими людьми я былъ обставленъ въ первые годы служебной моей дѣятельности! Не могу жаловаться на судьбу; она довольно ко мнѣ благосклонна. Если не всѣ сослуживцы имѣли желаемыя качества, за то у всякаго чему нибудь да можно было поучиться. Ректоръ давалъ прекрасный примѣръ обхожденія и съ нами и съ учениками; инспекторъ обходился тоже хорошо, но только съ тѣми, кто ему льстилъ и низко кланялся. Чванство его было мнѣ противно, и я старался наблюдать за своими поступками, нѣтъ ли въ нихъ чего подобнаго. Учитель словесности — это человѣкъ оригинальный; съ нимъ легко дружиться, пріятно совѣтоваться, но подражать ему трудно. Въ учителѣ исторіи, іеромонахѣ, а послѣ инспекторѣ, я видѣлъ образчикъ разума и воли съ отрицательной стороны и замѣтилъ, что по пути службы можно удачно ходить на помочахъ, только не прекословь, а слушайся, кто впереди тебя. Мой однокашникъ, профессоръ гражданской исторіи и еврейскаго языка, доказалъ мнѣ, что скорѣе и крѣпче завязывается пріязнь между несходными характерами, нежели сходными. У эконома-настоятеля можно бы научиться евангельской безпечности о завтрашнемъ днѣ; но къ этому я не совсѣмъ былъ способенъ.

При семинаріи я служилъ восемь лѣтъ: разумѣется, небольшой кругъ моихъ сослуживцевъ измѣнялся. Изъ поступившихъ при

мнѣ были люди замѣчательные, особенно третій инспекторъ и второй ректоръ, которые живы въ моей памяти и тѣнь которыхъ доселѣ часто мелькаетъ передъ моими глазами, пробуждая чувство о первомъ пріятное, а о второмъ — скорбное. Кромѣ двухъ этихъ лицъ, всѣ прочіе для меня были, какъ прохожіе.

Въ нашъ тѣсный кругъ входили еще три лица постороннихъ: казначей виѳанскаго монастыря, общій всѣхъ духовникъ, да нѣмецъ — сперва мельникъ, а потомъ политурный фабрикантъ. Всѣ они мнѣ памятны по рѣзкимъ и исключительнымъ чертамъ ихъ жизни.

Казначей — главная особа въ монастырѣ, потому что архимандритъ—лаврскій намѣстникъ—постоянно жилъ въ лаврѣ. Добрый, но простоватый; не глупый, но малоученый; скупой, но изъ притворства щедрый, нашъ казначей любилъ казаться монастырскимъ начальникомъ. Слабость эту въ немъ мы знали хорошо и охотно уступали ему начальническую честь, нерѣдко разшевеливая его скупость на праздничныя закуски и вечеринки. Какъ онъ ни старался ускользать отъ нашихъ набѣговъ, а все-таки попадался на льстивую приманку частенько; а ужъ какъ попался, радъ или не радъ, да раскошеливайся. Въ Виѳаніи скучно безъ дурачествъ. Мы его надували и надъ нимъ же, неблагодарные и безсовѣстные, посмѣивались; но онъ насъ любилъ и не обижался, хотя о карманѣ и жалѣлъ.

Разъ наша шутка дорого стоила простодушному крѣпышу казначею: имѣлъ онъ сына, единственнаго, который учился въ петербургской академіи и оканчивалъ уже курсъ и котораго онъ любилъ страстно и хвалился имъ. Въ началѣ іюля, когда оканчиваются академическіе экзамены, и студенты, получая ученыя степени, распредѣляются по должностямъ, заботливый отецъ, не помню по какому случаю, служилъ обѣдню и послѣ обѣдни зазвалъ насъ на пирогъ. Какъ не пойдти къ доброму человѣку? Были всѣ, былъ и ректоръ. Зашла рѣчь о сынѣ; отецъ, замѣтно, тревожился, желая скорѣе узнать о его участи. Вдругъ учитель словесности говоритъ: «развѣ вашъ сынъ не писалъ еще къ вамъ, отецъ казначей?»

— «Да ужъ будетъ съ мѣсяцъ, какъ я ни строки отъ него не получалъ; такой негодный!»

Обращаясь къ инспектору, учитель продолжаетъ: «вѣрно, отецъ инспекторъ, вы не говорили еще отцу казначею, что вамъ писали о его сынѣ.»

Инспекторъ (третій моего времени), воспитанникъ петербургской академіи, и съ академіею, всѣ знали, былъ въ перепискѣ, весельчакъ и шутникъ, тотчасъ смѣкнулъ дѣломъ и сказалъ: «когда же говорить? Письмо мнѣ только-что принесли, передъ обѣднею.»

— «Батюшка, отецъ инспекторъ! скажите пожалуста, что пишутъ», умильно проситъ отецъ.

«Пишутъ хорошо, отецъ казначей сына вашего сдѣлали, вишь, магистромъ и слышно, что назначаютъ въ московскую семинарію профессоромъ.»

Обрадованный, перекрестился и, не зная, что сказать, смотритъ на всѣхъ вытороча глаза. Мы поздравляемъ — кто притворяясь, а кто и въ правду. Въ правду поздравилъ и ректоръ, не подозрѣвая продѣлки, и простился съ хозяиномъ. Мы остались и опять поздравляемъ. Казначей, на поздравленіе, проситъ выкушать винца; а поздравительнаго-то винца нѣтъ. «Какъ же это, отецъ казначей, заговорили всѣ; надо бы бутылочку шипучаго?»

— «Радъ бы душевно, да нѣту, мои добрые, мои почтенные, мои ласковые; надобно посылать къ Троицѣ, а теперь ужъ поздно, скоро не вернешся.»

«Что за бѣда, возразилъ инспекторъ? Посылайте, а вечеркомъ мы опять соберемся и поздравимъ ужъ какъ слѣдуетъ: такъ ли господа?»

«Такъ, такъ, закричали всѣ, прекрасно! Теперь пора обѣдать, заздравное вино до обѣда не пьютъ, толи дѣло вечеромъ, и приличнѣе и выпьемъ въ прохладу.»

Казначей, видя, что его уловка не удалась и отъ насъ легко не отдѣлаешься, прибѣгъ было къ другому средству: «да правда ли еще, мои любезные? Мало ли что пишутъ; вотъ какъ получу письмо, тогда самъ приду попросить васъ къ себѣ; а то пожалуй, поспѣшишь — нагрѣшишь.»

«Эхъ, отецъ казначей! Дорога первая вѣсточка, и пишетъ баккалавръ; къ какой стати ему лгать?» Это сказалъ учитель словесности, а инспекторъ, чтобъ поддержать фарсу, прибавилъ: «да! баккалавръ — мой товарищъ и пріятель», и, при этихъ словахъ, даетъ учителю ключъ отъ своихъ комнатъ и проситъ: «потрудитесь, В. И. принесть письмо; оно у меня въ кабинетѣ, на бумагахъ.»

Учитель словесности тотчасъ уходитъ, пишетъ письмо подъ чужую руку, вкладываетъ въ распечатанный петербургскій конвертъ и чрезъ четверть часа приноситъ. Казначей читаетъ, улыбается и, обращаясь къ намъ съ довольнымъ лицомъ, говоритъ: «ну! милости просимъ; хочется мнѣ попросить и отца ректора, да не знаю, пойдетъ ли.»

«Пойдетъ, пойдетъ, заговорили всѣ; онъ васъ любитъ, и придетъ непремѣнно.» А на умѣ-то у каждаго не ректоръ, а то, что при ректорѣ вечеринка будетъ пороскошнѣе. Затѣмъ распрощались съ хозяиномъ до скораго и пріятнаго свиданія, и вышли, подвыпивши порядочно.

Продѣлка такъ устроена была хорошо, что я догадался объ ней лишь тогда, когда дорогою инспекторъ и учитель словесности стали смѣяться отъ души. Тутъ и всѣ уже въ нашемъ кругу

узнали ихъ затѣю, кромѣ ректора; похохотали, подивились ловкости и условились выдерживать экспромтный заговоръ во весь вечеръ.

Вечеромъ, въ шесть часовъ, собрались на званый пиръ, какъ и быть. Все было приготовлено и прибрано: въ сѣняхъ—кипитъ самоваръ, другой стоитъ на готовѣ, и коробокъ съ углями; въ передней разставлены чашки и бутылка рому, на дубовомъ столѣ; а въ ставцѣ, подъ корельскую березу, прикрыты на полочкахъ: нарѣзанная семга, подъ огурцами; въ двухъ видахъ икра, кусочками и жидкая съ лучкомъ; двѣ селедки, въ уксусѣ и маковомъ маслѣ, посыпанныя перцемъ; килька, просто безъ приправы, уложенная по тарелкѣ въ кружокъ; печеныя яица, изрѣзанныя пополамъ и также разложенныя; комъ чухонскаго масла; съ вязигой кулебяка, еще не разрушенная, и двѣ тарелки чернаго и бѣлаго хлѣба, ломтями. Въ сѣняхъ командовалъ штатный служитель, въ синемъ кафтанѣ, а въ передней — послушникъ, въ черномъ подрясникѣ, подпоясанный ремнемъ. Въ залѣ, или гостиной комнатѣ, съ мебелью екатерининскихъ временъ, раскрытъ въ переднемъ углу квадратный столикъ и накрытъ синею ярославскою салфеткою; на столикѣ заѣдки, на гжельскихъ тарелкахъ, разставленныхъ въ порядкѣ, какъ ставятся кегли; въ срединѣ, на мѣстѣ девятки, пастила—красная и бѣлая, и по сторонамъ—изюмъ, черносливъ и винныя ягоды; грецкіе, кедровые и каленые орѣхи; орѣхи пряничные, одни — кирпичиками, желтокрасные, а другіе — кружечками въ пятакъ, сѣробѣлые. Конфектъ и вареній не было, ихъ монахи не любятъ. Въ залѣ командовалъ самъ хозяинъ, въ кламенковой рясѣ и расхаживалъ взадъ и впередъ, ожидая гостей. Подъ командою хозяина находилась еще комната, его опочивальня: въ ней, сквозь не дотворенную дверь, виднѣлись подносъ, рюмки и шесть или семь бутылокъ, запечатанныхъ, а нѣкоторыя и засмолены. Все ладно, все какъ слѣдуетъ.

Стали собираться гости. На пиръ, кромѣ насъ, приглашены были духовникъ и нѣмецъ. Собрались всѣ, недоставало одного ректора, который прибылъ минутъ черезъ десять. Безъ него, какъ перваго гостя, хозяинъ пира не открывалъ.

Когда ректоръ сѣлъ, тотчасъ подали тенерифское вино, хотя не съ самаго острова Тенерифа, но порядочное, не кислое, какое лѣтомъ часто бывало у Троицы. Выпили съ поклономъ хозяину и принялись за чай. Чай пили кто просто, кто съ винцомъ, а кто и съ ромомъ; послѣ чая подали пуншъ, на произволящаго. И пуншъ въ накладѣ не остался; это — напитокъ людей ученыхъ. Гости повеселѣли, развязался языкъ, и бесѣда пошла живѣе; подвыпивши разшевелился и хозяинъ и сталъ подчивать щедрѣе. Понесли разное вино—и красное и бѣлое и кіевскія наливки; за каждымъ подносомъ хозяинъ ходилъ самъ, наблюдалъ, чтобъ пили,

кланялся и упрашивалъ. Не стояли даромъ и десертныя заѣдки; подавались то ягоды, то орѣхи, то пастила; подавалъ и хозяинъ и келейный послушникъ, брали и сами гости.

Однако, не непрестанно же пить и ѣсть, надобны и промежутки; а чѣмъ ихъ наполнить? Вечеринка тянется часовъ пять, общіе разговоры завяжутся да смолкнутъ, разговоры ученые не къ мѣсту, пляска и карты у монаховъ не употребительны: запѣли, съ благословенія ректора, а пѣть-то мастера всѣ. Разумѣется, пѣли духовныя пѣсни — ирмосы, тропари, Богородичны; рѣшились и на канты, наприм. *«Что всего краше, сіда добръ хозяинъ дома гостей призываетъ, самъ испиваетъ и гостемъ часто подноситъ, гости веселятся и раби правдою служатъ?»*

Приходитъ десятый часъ, пора и за ужинъ. Хозяинъ, зная время ректора, тотчасъ распорядился. Десертъ сняли, столъ изъ угла выдвинули на середку, приставили къ нему другой столикъ, изъ спальни; принесли кулебяку, подогрѣтую и разрушенную, симметрически разставили вокругъ нея все, что было приготовлено въ ставцѣ; сверхъ того, подлѣ кулебяки поставили жаренаго леща, изъ своихъ Виеанскихъ прудовъ, и ужинный столъ снарядился хоть куда. Для большей красы, обыкновенно, тутъ же ставится у монаховъ и водка, да не было мѣста; водку подали на подносѣ, т.-е. ерофеичъ, анисовку и, кажется, какую-то дрей-мадеру, для ректора. Ректоръ выпилъ анисовки, а мы ерофеича; мадера же шла послѣ кулебаки, подлинно какая-то. За столъ всѣмъ нельзя было сѣсть; сѣлъ одинъ ректоръ и посадилъ возлѣ себя старичка—духовника, а мы стояли. Разнесли кулебяку, съ прикладомъ семги и икры съ лучкомъ; кильку же, селедки, яйца и прочее намъ, стоящимъ, хозяинъ предлагалъ кушать безъ церемоніи и запивать, а сидящимъ подавалъ и подчивалъ, подливая въ рюмки винцо. Когда дѣло дошло до леща, его такъ же, какъ кулебаку, разложили по тарелкамъ и разнесли. Затѣмъ начались тосты съ поклонами и пѣніемъ *многая лѣта*.

Для тостовъ добыты были двѣ только заздравныя рюмки, да это ничего; дѣло не въ рюмкахъ, лишь бы всѣмъ досталось. Первый тостъ хозяину, такъ назначилъ ректоръ, второй—ректору, третій — новому магистру, а четвертый—за здоровье всѣхъ. *Многая лѣта* шумѣло непрерывно, а хозяину, сверхъ того, насказаны было отъ насъ кучи рѣчей. Пили — сперва шампанское, потомъ горское, наконецъ, когда все выпили и ушелъ ректоръ, принялись допивать наливку. Допили и, непомня ужъ какъ, разошлись.

Утромъ, по должности секретаря, являюсь я къ ректору; тоже за какимъ-то дѣломъ пришелъ и инспекторъ. Кончивъ, что нужно, заговорили о вчерашнемъ вечерѣ; инспекторъ не утерпѣлъ, разсказалъ тайну роскошнаго пира, да еще съ разными прикрасами.

Ректоръ, выслушавъ, сперва разсердился и побранилъ насъ; но послѣ — не сдержалъ гнѣва и долго смѣялся, вмѣстѣ съ нами. Впрочемъ, запретилъ, чтобъ впередъ такъ не проказничали, и велѣлъ до времени скрывать продѣлку отъ казначея, предполагая— можетъ быть выдетъ и правда.

Но не тутъ-то было: недѣли черезъ полторы, отецъ получаетъ отъ сына письмо, въ которомъ послѣдній пишетъ, что его сдѣлали кандидатомъ и назначили учителемъ въ одну изъ замосковскихъ семинарій и что, поэтому, онъ ѣдетъ черезъ Москву и радъ, что съ нимъ увидится. Вѣсть для отца пріятная и непріятная: непріятно, что обманулся въ надеждѣ, а пріятно, что скоро увидитъ сына. Между этими чувствами память о заданной напрасно пирушкѣ какъ-то ужъ потерялась. Встрѣтившись съ инспекторомъ, казначей сказалъ только: «обманулъ насъ вашъ пріятель, видно и самъ хорошенько не зналъ»; инспекторъ подтвердилъ, и тѣмъ все кончилось.

Нашъ духовный отецъ—духовникъ по преимуществу; онъ былъ духовнымъ отцомъ преосвященному митрополиту Платону и какъ всякому называлъ себя, такъ и слылъ у всѣхъ духовникомъ. Простой, но достойный добрыхъ воспоминаній старецъ-іеромонахъ, онъ въ главные праздники и при народныхъ случаяхъ, всегда рядился въ горностаевый полурясокъ, подаренный ему митрополитомъ на память и чтилъ этотъ даръ мудраго архипастыря, какъ святыню. Не скажу, чтобъ это было изъ кичливости, а просто изъ благоговѣнія къ своему духовному сыну, на прахъ котораго, сокрытый въ нижней Виѳанской церкви, много притекало знаменитыхъ посѣтителей, для признательнаго поклоненія покойному. Безкорыстіе и непритворная святость жизни нашего духовнаго отца, несмотря на его малообразованность, могли служить урокомъ для людей образованныхъ, и мы всѣ любили и почитали его искренно. Онъ не уклонялся отъ нашего общества, посѣщалъ насъ нерѣдко и принималъ посѣщенія охотно. Деньги у него не водились, и въ кельѣ, кромѣ вещей самыхъ необходимыхъ, ничего не было; все, что бывало ни пріобрѣтетъ, что ему ни дадутъ, береглось не долго. Зная, что онъ ни въ чемъ никому не отказываетъ, штатные служители, окружные крестьяне и даже обыватели Сергіевскаго посада прибѣгали къ нему съ своими нуждами. Старецъ, имѣвшій при мнѣ за 70 лѣтъ, онъ постоянно держалъ у себя гробъ, на случай, чтобы по смерти было въ чемъ положить его, но и тотъ часто выпрашивали у него люди бѣдные. Готовый и близкій къ смерти самъ, гробъ онъ отдавалъ безпрекословно и затѣмъ строилъ новый; потому что, не имѣя постели, онъ спалъ въ гробу или же на полу просто. Таковъ былъ у насъ отецъ духовный! Послѣ меня, какъ я слышалъ, онъ принялъ схиму и мертвецемъ жилъ еще довольно.

Нѣмецъ, пріятель нашего круга—родомъ богемецъ, кандидатъ пражскаго университета и виѳанскій колонистъ. Въ Россію онъ пріѣхалъ по вызову дяди, еще при государѣ Павлѣ; но не доѣхавъ до столицъ, остановился въ Ригѣ по случаю внезапнаго запрещенія иностранцамъ въѣзда въ Петербургъ и Москву. Дядя между тѣмъ померъ, а племянникъ, оставшись безъ подпоры и познакомившись съ рижскимъ пасторомъ, сдѣлался его домашнимъ другомъ и, по смерти пастора, будто, какъ говорилъ, изъ признательности женился на молодой его вдовѣ, съ дочерью одного года. Когда запрещеніе иностранцамъ въѣзда въ Россію было снято, нашъ женатый нѣмецъ прибылъ въ Москву и опредѣлился управляющимъ фабрикою къ одному изъ богатыхъ московскихъ купцовъ. Въ Москвѣ онъ прожилъ лѣтъ 16, возрастилъ и порядочно воспиталъ падчерицу и, въ послѣдствіи по совѣту московскаго пастора и съ согласія самой жены, которая заболѣла и отъ болѣзни потеряла способность быть женою, женился на ея дочери; мать однакожъ жила послѣ недолго. Новая жена не долго утѣшала своего мужа, бросила его и бѣжала съ какимъ-то шорникомъ, нѣмцемъ же, за котораго и вышла. Начались розыски и тяжба; но шорникъ былъ уменъ, ускользнулъ изъ Москвы и скрывался по разнымъ губерніямъ. Всѣ поиски оказались тщетны, и нашъ нѣмецъ, съ горя ли и досады или по другимъ какимъ разсчетамъ, переселился въ Виѳанію, почти въ одно со мною время, безсемейный, только съ купленною имъ гдѣ-то крестьянскою дѣвушкою, довольно хорошенькою.

Нѣмцы смѣтливѣе русскихъ. Нашъ нѣмецъ вызналъ случайно положеніе и выгоды Виѳанскаго монастыря и какъ бывши не мало лѣтъ управляющимъ фабрикою, скопилъ довольно денегъ, а скандалезная исторія его женитьбъ, особенно послѣдней, марали его честь, то онъ вздумалъ удалиться изъ Москвы и гдѣ-нибудь, въ укромномъ уголку, завести фабричное производство самъ.

Въ Виѳаніи есть огромный прудъ, примыкающій нижнею плотиною къ самому почти монастырю; при этой плотинѣ была мельница, приносящая доходу 150 руб. ас. въ годъ. Срокъ содержанія мельницы оканчивался; нѣмецъ явился на торги и далъ 400 руб. Русскіе отступились, и мельница осталась за нѣмцемъ, на 12 лѣтъ.

Поселившись сперва въ мельничной избушкѣ, вдвоемъ съ своею домохозяйкою, нѣмецъ нашъ принялся строить фабрику и домъ; фабрику онъ выстроилъ при плотинѣ, небольшую, а домъ — на берегу пруда, противъ фабрики черезъ дорогу, пролегающую по плотинѣ, тоже небольшой, но довольно красивый и уютный или, какъ говорятъ, комфортабельный. Фабрика устроена бумажная; бумага производилась на ней двухъ сортовъ, оберточная и политура; первая шла порядочно, а послѣдняя — очень хорошо. Нѣ-

мецъ владѣлъ какимъ-то секретомъ, и его политурная бумага у московскихъ суконныхъ фабрикантовъ считалась наилучшею.

Нѣмцемъ завершался небольшой нашъ виѳанскій кругъ. Несмотря на нѣкоторыя странности въ мысляхъ, мы его любили всѣ за аккуратность и готовность услужить, чѣмъ только могъ. Удаленный отъ своей кирки, виѳанскій поселенецъ ходилъ въ нашу церковь и, около насъ, пріучился креститься и подходить къ кресту и къ св. водѣ. Мы было совѣтовали ему принять православную вѣру; куда тебѣ! и слушать не хотѣлъ. «Къ чему это, говорилъ онъ, развѣ у Бога не все равно, что протестантъ, что православный; иная религія — иная только форма, а сущность — одна: для чего обременять себя новыми формальностями? Къ своимъ ужъ я привыкъ и большой нужды въ другихъ не имѣю, захочу помолиться, приду въ вашу церковь; понадобится пасторъ, призову вашего; думаю, не откажутъ.» Индеффернта мы больше не тревожили, зная его духъ, не грубый, но устойчивый на своемъ.

Случилось однако, что нашъ протестантъ дѣйствительно сдѣлался православнымъ поневолѣ. Какъ-то вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ признаковъ, открылась у него гортанью кровь; медика близко нѣтъ, кровь душила. Пораженный припадкомъ струсилъ, отчаялся въ жизни и сталъ собираться умереть: посылаетъ къ инспектору и проситъ исповѣдать его и пріобщить. Ректора не было дома; инспекторъ, молодой іеромонахъ, прибѣгаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: можно ли? Я, не зная такъ же, какъ и инспекторъ, что надо прежде присоединить, говорю, отчего жъ нельзя.

«Вѣдь иновѣрецъ, отвѣчаетъ инспекторъ; не вышло бы чего-нибудь Не лучше ли отослать въ монастырь. Тамъ знаютъ, какъ поступить.»

— Кому жъ въ монастырѣ знать? Монахи все простые. Пожалуй, найдутъ еще затрудненіе, и больной умретъ. Да и неловко: во-первыхъ, отказъ твой покажется обиднымъ; во-вторыхъ, больной сочтетъ тебя человѣкомъ неразумнымъ, и въ-третьихъ, скорѣе, думаю ответишь за то, что допустилъ христіанина умереть безъ покаянія.

«Правда» сказалъ инспекторъ, и, взявъ запасные Дары, тотчасъ отправился къ больному, исповѣдалъ его и пріобщилъ по-православному.

Когда ректоръ возвратился, мы разсказали ему о казусномъ происшествіи; ректоръ сдѣлалъ намъ не выговоръ, а замѣчаніе и, обращаясь къ инспектору, сказалъ: «надлежало бы прежде присоединить, т.-е. прочитать извѣстныя молитвы и взять подписку— впредь быть православнымъ неотступно. Впрочемъ, сущность обращенія состоитъ въ исповѣди и причастіи, которыя нѣмецъ принялъ по желанію, не насильно; подписку же можно взять и послѣ.»

Нѣмецъ выздоровѣлъ. Избравъ удобное время, инспекторъ потребовалъ отъ него подписку, но какъ ни убѣждалъ, какъ ни уговаривалъ, призывая въ помощь и меня и учителя словесности, никакъ согласить не могъ. Нѣмецъ остался нѣмцемъ, ни протестантъ ни православный, ходилъ въ нашу церковь, какъ и прежде, но больше ничего не исполнялъ. Послѣ, когда я выбылъ изъ семинаріи, слышалъ, что онъ умеръ не протестантомъ; напутствованъ по православному и погребенъ въ Виѳанскомъ монастырѣ по нашимъ обрядамъ.

Ученики духовныхъ училищъ, исключительно настроенные на одинъ ладъ, въ скромномъ уголкѣ Виѳаніи, лишенномъ всякаго разнообразія, мы, очень немудрено, застоялись бы какъ тина въ болотѣ, еслибы нѣмецъ не шевелилъ насъ иногда своими выходками...

—

Первые годы въ Виѳаніи были для меня не легки; кромѣ должности секретаря, отнимавшей у меня не мало времени, надобно было зарекомендовать себя и по должности учителя. Дюжиннымъ быть не хотѣлось; не хотѣлось прослыть и за чудака, съ прозвищемъ отъ семинаристовъ, какъ нерѣдко бываетъ, характеристическимъ.

Въ первые годы я жилъ строго и во всѣхъ отношеніяхъ держалъ себя осторожно, желая не только пріобрѣсть доброе о себѣ мнѣніе въ семинаріи, но и не потерять его въ академіи, которая такъ близка и которая все, что у насъ ни дѣлалось, знала. Не учить мнѣ было трудно, а трудно заставить учиться. Я имѣлъ уже маленькій опытъ, какъ обращаться съ учениками; учась въ старой славяно-греко-латинской академіи, я давалъ уроки по домамъ и видѣлъ учениковъ прилежныхъ и лѣнивыхъ, послушныхъ и своенравныхъ: но это совсѣмъ не то, что быть учителемъ семинаристовъ. Въ домашнихъ урокахъ помогаютъ тебѣ родители: бываетъ, они же тебѣ и мѣшаютъ—матерей Митрофанушки было тогда еще довольно; но въ семинаріи никто тебѣ не помогаетъ и никто не мѣшаетъ. Въ домашнемъ ученіи учителю стоитъ только обратить на себя вниманіе родителей, особенно матери, и не застращивать дѣтей, и дѣло пойдетъ хорошо. Въ семинаріи же если и пользуешься вниманіемъ начальства и учишь хорошо, и съ учениками обходишься ласково, нельзя еще надѣяться на успѣхи и, подъ конецъ курса, ожидать результатовъ добрыхъ, соотвѣтствующихъ труду, свѣдѣніямъ и даже педагогической опытности наставника. Не вѣроятно? Но такъ бываетъ, и причиною то, что въ духовныхъ училищахъ слишкомъ различены предметы наукъ въ мнѣніи учащихся. Будь лишь знатокъ главнаго предмета, второстепенные предметы не нужны, они ставятся почти ни во что,

знаешь ли ты ихъ или не знаешь—все равно, все въ общемъ спискѣ станешь въ числѣ учениковъ первыхъ. Былъ случай, а можетъ и не одинъ: петербургская академія не дала своему студенту никакой степени, несмотря на то, что онъ былъ первый по классу математики, и что въ послѣдствіи назначили его бакалавромъ математическихъ наукъ въ московской академіи.

Классъ физико-математическихъ наукъ, въ мое время, отнесенъ былъ въ семинаріяхъ къ среднему отдѣленію, называющемуся философскимъ, потому что главный предметъ въ этомъ отдѣленіи—философія. Понимая, что значитъ главный предметъ въ духовныхъ училищахъ, я сталъ думать, какъ бы заставить своихъ учениковъ заниматься математикою и физикою такъ, чтобы знающихъ изъ нихъ выходило хоть на половину. Учащихся въ среднемъ отдѣленіи нашей семинаріи числилось человѣкъ 70; въ такомъ числѣ, конечно, найдутся и охотники и неохотники даровитые, для которыхъ всякому предмету учиться ни почемъ; но тѣхъ и другихъ всегда бываетъ немного, а большею частію школы наполняются людьми способностей и прилежанія обыкновенныхъ. На охотниковъ и неохотниковъ даровитыхъ дѣйствовать легко: стоитъ только хорошо учить и быть къ нимъ внимательнымъ, не дозволяя послѣднимъ уклоняться отъ общихъ обязанностей ученика: такъ я и поступалъ. Дѣйствовать же на большинство—весьма трудно; что я ни придумывалъ, ничто не помогало. Предметъ второстепенный; всѣ знали, что въ итогѣ успѣховъ онъ значитъ очень мало; и объ это убѣжденіе всѣ мои педагогическіе пріемы сокрушались. Я училъ четыре курса, и никогда не имѣлъ смыслящихъ учениковъ больше третей, и то многіе изъ нихъ едва держались выше нуля, и на окончательныхъ экзаменахъ рѣшали задачи съ грѣхомъ пополамъ. Прочіе же все равно, что совсѣмъ не учились.

Несмотря на это, я не унывалъ, и хотя досадовалъ, но училъ прилежно. Математику я читалъ по Фуссу, съ небольшими измѣненіями, и, въ теченіи двухлѣтняго курса, проходилъ алгебру, геометрію и тригонометрію. Для физики оставалось времени немного, а потому въ физическихъ урокахъ я ограничивался больше тѣмъ, что считалъ нужнымъ и полезнымъ знать всякому человѣку.

Наши монахи, не какъ отцы александрійскіе, не любятъ математики и на экзаменахъ не обращаютъ вниманія ни на чертежи, ни на выкладки; случалось, бойкій ученикъ, принимая вопросъ, чертилъ задачу совсѣмъ не ту или не такъ, какъ бы слѣдовало, только чертилъ безостановочно, и дѣло проходило. Физику русскіе духовные еще уважаютъ и, если знаютъ ее плохо, по крайней мѣрѣ на экзаменахъ слушаютъ и смотрятъ на опыты съ любопытствомъ. Поэтому мнѣ можно было приготовлять и пригото-

вляться къ экзаменамъ, спустя рукава; но я такъ не поступалъ, совѣстно казалось предъ учениками и стыдно предъ товарищами: испытаніями частными всегда дорожилъ, какъ наилучшимъ средствомъ для репетицій; на публичныя же—всегда составлялъ что-нибудь особенное. Такъ, помню, составлены были мною трактаты: о началахъ механики, о законахъ слуха, о распространеніи, отраженіи и преломленіи свѣта, объ электричествѣ, свойствахъ магнита и проч. А для того, чтобъ эти трактаты выходили сколько-нибудь дѣльны и отчетливы, я пользовался всѣмъ, что было у меня подъ руками: читалъ Бриссона, Страхова, Двигубскаго, Эйлера, Біота, Гаи и даже прочелъ все, что тогда было напечатано Велланскимъ. Не знаю, слылъ ли я хорошимъ семинарскимъ профессоромъ и хвалили ли меня за труды; но ни выговоровъ, ни замѣчаній, ни критическихъ о себѣ отзывовъ никогда и ни отъ кого не слыхалъ. Въ послужныхъ спискахъ и митрополитъ какъ будто давалъ мнѣ какое-то преимущество, но не за ученье, а по поведенію; послѣ перваго курса онъ постоянно аттестовалъ меня: *поведенія добраго*, а прочихъ профессоровъ и учителей — *хорошаго*.

Чрезъ два года службы моей въ семинаріи овдовѣла у меня младшая сестра. Зять оставилъ ее съ дочерью трехъ лѣтъ, и какъ былъ приходскимъ священникомъ, то сестрѣ надлежало продать домъ и искать угла чужаго. Молодая и привыкшая жить на своемъ гнѣздѣ, при отцѣ или съ мужемъ, она боялась будущаго и не знала, какъ устроить сиротское свое положеніе: надобно было сестрѣ помочь, и я пригласилъ ее жить со мною въ Виѳаніи. Квартиру я имѣлъ казенную, общую съ товарищемъ; съ сестрою же—нужна квартира особенная, а особенной помѣстительной для семейства не было. Къ счастію, выходилъ въ это время инспекторъ; я упросилъ ректора дать мнѣ его квартиру, которая для одинокаго человѣка очень велика и не такъ удобна, а для семейнаго — лучше не надобно. Это былъ домъ, выстроенный покойнымъ митрополитомъ Платономъ для своей племянницы, замужней и съ дѣтьми, ветхій, но крѣпкій еще и со всѣми для хозяйства принадлежностями. Сестра перебралась ко мнѣ съ дочерью, племянникомъ отъ другой, старшей сестры и съ прислугою. Тутъ началась у меня новая, т.-е. не холостая безтолковая жизнь.

Заживъ семьяниномъ, я сталъ и держать себя какъ семьянинъ. Завелись у меня и куры, и цыплята, и гуси, и щенята; пошли закупки разныхъ крупъ, мукъ и прочихъ домашнихъ снадобій. Виѳанскаго рынка было мало, многое закупалось то въ посадѣ, то въ Москвѣ; тогда какъ, живя съ товарищемъ, мы довольствовались тѣмъ, что привезутъ поставщики въ семинарію или что закупитъ экономъ для семинаріи же. Ученые люди не прихотливы. Все-однако шло хорошо, сестру я любилъ, мы росли вмѣстѣ и всегда ладили.

Несмотря на то, что семья у меня составилась порядочная, расходы мои увеличились немного. Холостая, одинокая жизнь подлинно безтолкова: тутъ какъ-то ничего не уэкономишь, все идетъ прахомъ; гдѣ проиграешь въ карты, гдѣ лишнее съ гостями пропьешь, гдѣ проѣздишь, куда бы и не подобало. Когда я сталъ жить съ сестрою, гости у меня бывали чаще, но угощались и гостили чиннѣе; чиннѣе и я велъ себя въ гостяхъ, безъ надобности или просто, на игру и попойку, никуда не ѣздилъ и скрытно отъ сестры, а всегда сказывалъ, гдѣ буду и когда возвращусь.

Въ домѣ, гдѣ есть дама и дѣти, живется совсѣмъ не такъ, какъ въ сообществѣ однихъ мужчинъ. Виѳанія—колонія кавалеровъ, гдѣ сестра была одна и служила какъ бы зеркаломъ, въ которое смотрятся иногда люди и неопрятные, причесываются и приглаживаются; Виѳанія, спасибо, не жаловалась и была еще довольна, когда узнали, что новая колонистка привѣтлива и общительна, не такъ, какъ ея предмѣстница, бывшая инспекторша.

Въ Лаврѣ, или въ академіи, нѣкоторые изъ профессоровъ и баккалавровъ были женатые. Жили они въ посадѣ, въ посадѣ же жилъ и нашъ знакомый старикъ, штабъ-лѣкарь, съ своею милою и хорошенькою сожительницею. Съ ними я познакомилъ сестру; дамскій кругъ увеличился и, хоть не часто, а захватывалъ и Виѳанію...

—

Вдовство младшей моей сестры заставило меня подумать о своемъ будущемъ. При окончаніи академическаго курса я объявилъ желаніе быть въ духовномъ званіи, и мнѣ производилось 350 р. магистерскаго оклада, сверхъ жалованья по должностямъ профессора и секретаря. По смерти зятя, я остановился на перевѣсѣ къ званію свѣтскому: въ семинаріи—жить не вѣкъ; надобно выйдти во священники, а выйдти—надобно жениться; какъ оставить сестру и племянницу — вотъ была для меня задача! Къ монашеству же я чувствовалъ себя неспособнымъ.

Послѣ двухъ курсовъ, я имѣлъ право оставить училищную службу и идти куда глаза глядятъ; но глаза мои ни на чемъ еще не утвердились. На дорогѣ къ духовному званію стоитъ сестра, да есть еще и другая, старшая, которая живетъ у старшаго зятя, человѣка семейнаго; дорога же къ свѣтскому званію на моей картѣ не была начерчена, а безъ вожатаго, наобумъ — сыщешь ее не скоро. Не размышляя много, я остался въ Виѳаніи на третій курсъ, посмотрѣть, что будетъ далѣе.

—

Когда-то, предъ поступленіемъ моимъ на службу, учредилось въ Россіи Библейское общество; когда я учился въ академіи, россійскимъ Библейскимъ обществомъ переведенъ былъ Новый Завѣтъ, а за Ветхій Завѣтъ общество это принялось тогда, когда я состоялъ на службѣ въ семинаріи. Первоначальный переводъ Ветхаго Завѣта, съ подлинника, общество поручило академіямъ; московской академіи досталось Пятокнижіе, а академія, чтобъ облегчить себя, навязала на нашу семинарію переводъ книги Исхода. Такимъ образомъ, волею или неволею, составился у насъ переводный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ четверыхъ учащихъ и знающихъ языки, еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій. Головщикомъ въ комитетѣ, разумѣется, былъ профессоръ и учитель еврейскаго языка, а прочіе не столько члены съ голосомъ, сколько члены совѣтники, съ своими на рукахъ разноязычными библіями. Я ходилъ въ комитетъ съ библіею французскою.

Въ комитетѣ труда было не мало: конченный переводъ Исхода представленъ былъ въ академію, а изъ академіи по пересмотрѣ— въ коммиссію духовныхъ училищъ. Что съ нимъ послѣдовало далѣе, не знаю.

Въ двадцать третьемъ или четвертомъ году поступилъ къ намъ запросъ, не принадлежитъ ли кто изъ учащихъ, профессоровъ и учителей, къ тайнымъ обществамъ, и потребованы были подписки отъ всякаго, принадлежитъ или не принадлежитъ, и обязательство не принадлежать впредь. Сначала мы изумились; мы знали, что есть общества, есть секты и расколы въ Россіи, но не тайныя; о тайныхъ и не слыхали. И къ первымъ никто изъ насъ, ни въ семинаріи ни въ академіи, не принадлежалъ, а къ послѣднимъ и подавно. Росписки дали всѣ; но тутъ пронесся слухъ, что одинъ изъ баккалавровъ нашей академіи состоитъ въ связи съ какимъ-то обществомъ. Не начальство, а товарищи къ нему было прицѣпились, но оказалось пустое; подозрѣваемый былъ въ перепискѣ съ нѣкоторыми членами московскаго общества сельскаго хозяйства.

Спустя года два или три, когда учредилась жандармская команда, нѣкто изъ служащихъ въ Москвѣ чиновниковъ подвергся подозрѣнію во взяткахъ. Въ бумагахъ у него нашли письмо брата, первокурснаго студента московской академіи; въ письмѣ между прочимъ было написано о составившемся въ академіи обществѣ между студентами и выражена цѣль—взаимное пособіе въ учебныхъ занятіяхъ, но выражено, видно, не для всякаго ясно. Полиція привязалась къ слову *общество* и начала розыски. Разумѣется, кончилось ничѣмъ; но этотъ и предыдущій случай заставили меня

думать о своемъ отечествѣ сравнительно съ прочими государствами.

—

Отъ скуки или отъ нечего дѣлать, я ловилъ иногда рыбу въ Троицкихъ прудахъ, смежныхъ съ Виѳаніею. Не то, чтобы я былъ страстный охотникъ, но любилъ апостольское ремесло и ловилъ больше удою, а случалось и сѣтью, однако съ товарищами, а не съ учениками. Двое изъ товарищей большіе были охотники до ловли, одинъ—мастеръ удить, а другой уды не любилъ, и ловилъ просто по-апостольски, мрежею, и съ учениками. Съ нимъ нерѣдко участвовалъ экономъ, преемникъ экономa-настоятеля. Въ прудахъ ловить рыбу не было запрещено никому, но только удочкою; а сѣтью ловили одни монастырскіе, и то съ приказанія или разрѣшенія лаврскаго намѣстника. Стали доходить слухи до митрополита, что въ Виѳаніи семинаристы ловятъ рыбу сѣтью; велѣно подтвердить запрещеніе и о виновныхъ донести. Не помню, попался ли кто изъ учениковъ, но объ насъ, какъ мы узнали послѣ, было донесено. Послѣ подтвержденія и запрещенія, я остерегался ловить и удочкою.

Митрополитъ, въ свои пріѣзды въ Лавру, всегда давалъ обѣды и приглашалъ всю, академическую и семинарскую, братію, не исключая и экономовъ. Въ іюлѣ, послѣ Сергіева дня и по окончаніи академическихъ экзаменовъ, когда подтвержденію о запрещеніи ловить рыбу не удочкою прошло съ полгода, митрополитъ, по обыкновенію, сдѣлалъ приглашеніе ректорамъ на обѣдъ, а чрезъ нихъ и прочимъ чинамъ училищнымъ, и, обращаясь къ нашему ректору, сказалъ: «кромѣ только (такого-то) профессора и экономa.» Обѣдъ прошелъ, какъ слѣдуетъ: говорили о многомъ, а объ исключенныхъ не было и намека. Пріѣзжаю домой, является ко мнѣ экономъ, смущенный, съ вопросомъ: «чтобы это значило, что митрополитъ не пригласилъ насъ къ обѣду?»

— Не знаю, не знаютъ и въ Лаврѣ; а думаю, не рыбная ли ловля.

«Да я нынѣшнимъ лѣтомъ совсѣмъ и не ловилъ.»

— О нынѣшнемъ митрополитъ не знаетъ, а знаетъ о прошедшемъ.

«И въ прошломъ году я ловилъ не больше, какъ два раза, и никто изъ монастырскихъ не видалъ. Нѣтъ, что-нибудь другое. Не гнѣвается ли владыка за то, что по отчетамъ у насъ вышло хлѣба больше, нежели въ московской семинаріи.

— Да вѣдь ему объяснили, почему у насъ выходитъ хлѣба больше—во первыхъ потому, что ученики въ нашей семинаріи все бѣдняки; а вовторыхъ, въ праздничные и воскресные дни никуда они не отлучаются, ни къ родственникамъ, ни къ знакомымъ. И митрополитъ не возразилъ.

«Что же теперь дѣлать? Хоть бы сказалъ, за что сердится; ну сдѣлай выговоръ, побрани, по крайней мѣрѣ знаешь, за что; а то вишь отпустилъ какую штуку; думай теперь, чего онъ хочетъ? Вѣдь это тяжело!»

— Я бы совѣтовалъ тебѣ съѣздить къ митрополиту и объясниться.

«Да что я скажу, когда ничего не знаю; пожалуй, еще больше осердится.

— Бѣда-то невелика, что митрополитъ на тебя осердится; хоть и побранитъ, такъ ничего: за то узнаешь причину. А я такъ думаю, не осердится; онъ увидитъ, что ты чувствуешь его гнѣвъ, и ему будетъ пріятно.

«Что же сказать мнѣ.»

— Скажи просто: владыка, вы на меня гнѣваетесь, простите, и поклонись въ ноги; тогда онъ самъ скажетъ, въ чемъ ты виноватъ.

Избравъ время, когда митрополитъ бываетъ свободенъ и веселъ, экономъ поѣхалъ. Пріѣзжаетъ, входитъ въ пріемную, докладываютъ; митрополитъ выходитъ и спокойно спрашиваетъ: «что скажешь?» Экономъ какъ заучилъ, такъ и начинаетъ: «владыка, вы на меня гнѣваетесь»...

— Съ чего же ты взялъ, что я гнѣваюсь?»

Ошеломленный неожиданнымъ вопросомъ, экономъ не нашелся, что отвѣтить, и, заминаясь, проговорилъ: «вы не пригласили меня къ обѣду.»

— А развѣ митрополитъ обязанъ винанскаго экономa приглашать къ обѣду? Пошелъ вонъ!

Экономъ такъ растерялся, что забылъ даже и поклониться и вышелъ весь въ ноту. Пріѣзжаетъ прямо ко мнѣ и кричитъ: «ты на смѣхъ меня научилъ, и я, дуракъ, послушался.»

Сначала я было засмѣялся; но вижу, что шумитъ не на шутку, спросилъ: «что такое? Не горячись, а разскажи что у васъ вышло?»

«Что?... чего тебѣ хотѣлось, то и вышло». Сказавъ это, экономъ сѣлъ, надулъ губы и отворотился въ окно.

— Вѣрно, распудрилъ?

Экономъ, немного помолчавши, сказалъ: «распудрилъ-то бы хорошо; а то пёсъ знаетъ, что у него въ головѣ.»

— Да скажи, что случилось?

«Вишь будто ничего не бывало; съ чего, говоритъ, ты взялъ, что я гнѣваюсь.»

— Что же ты? Знать, совралъ что-нибудь?

«Поди-ко, поговори съ нимъ самъ! Это не съ своимъ братомъ. Что соврать-то? Не совралъ, а сказалъ только: вы не пригласили меня къ обѣду.

— Ха, ха. ха! Простая душа! Да ты бы лучше сказалъ: слышалъ, что за рыбную ловлю, но я теперь не ловлю.

«Есть, когда тутъ думать; у меня въ глазахъ потемнѣло.»

— Что же онъ?

«Что же!... выгналъ вонъ. Дальше ужъ не помню; кажется, онъ ушелъ, а я опрометью къ двери, не успѣлъ и поклониться.»

Я опять не могъ удержаться отъ смѣха и, смѣясь, сказалъ: хорошо, что ты убѣжалъ; а то митрополитъ отдулъ бы еще палкою. Вѣроятно, онъ за нею и пошелъ.

«Смѣйся!. Тебѣ смѣхъ, а мнѣ-то каково? Все ты виноватъ; зачѣмъ было ѣздить?»

— Глупый ты человѣкъ! Какъ зачѣмъ ѣздить? Развѣ бы легче было для тебя сидѣть дома, да думать? Теперь, какъ съ гуся вода; митрополитъ оштрафовалъ тебя обѣдомъ, и знаетъ, что это тебѣ прискорбно; а что выгналъ вонъ... велико дѣло! вольно жъ тебѣ говорить такъ глупо.

Экономъ успокоился. И дѣйствительно, въ послѣдствіи митрополитъ на него не сердился; между тѣмъ рыбакъ-профессоръ долго выносилъ его неудовольствіе...

—

Въ двадцать шестомъ году взяли у насъ любимаго ректора и прислали какого-то чудака, съ которымъ трудно было ужиться. Человѣкъ худо отесанный, онъ зналъ только школу и монашество, и то въ первой былъ недалекъ, а къ послѣднему способенъ развѣ потому, что въ свѣтѣ, между порядочными людьми, никуда не годился. Грубость въ обхожденіи, гордость предъ низшими, низость предъ высшими, подозрительность, недоброжелательство и, по временамъ, какая-то противная ласка, всѣ эти качества составляли въ новомъ ректорѣ персону, невыразимо непріятную.

По должности секретаря, мнѣ надобно было часто сноситься съ своимъ образцовымъ ректоромъ; но сколько я ни выгадывалъ случаевъ уменьшить или сократить правленскія съ нимъ сношенія, мнѣ это рѣдко удавалось. Мнительный и не уважающій никакихъ нуждъ у своихъ подчиненныхъ, онъ всегда находилъ и, кажется, еще старался чѣмъ-нибудь помѣшать мнѣ. Бывало, зоветъ тебя во время обѣда или ужина, въ полночь, рано утромъ или когда гости, а зачѣмъ? иногда за сущею бездѣлицею, напримѣръ надобно ему облиневать бумагу, сдѣлай, вишь, это секретарь или прикажи сдѣлать.

Разъ онъ часу во второмъ ночи всполошилъ весь монастырь (ректоръ тогда жилъ въ монастырѣ, а мы, всѣ, внѣ монастыря): представилось ему, кто-то лезетъ въ его кельи; выбѣжалъ, пере-

будилъ келейныхъ монастырскихъ служекъ и монаховъ, послалъ за инспекторомъ, за мною и экономомъ; и что же оказалось? Зашевелились голуби подъ крышею надъ его кабинетомъ. Въ другой разъ собралъ онъ насъ къ себѣ обѣдать; пріѣхали кой-кто изъ чиновъ академическихъ; столъ накрытъ, стали пить водку: вообразись же этому человѣку, что между гостями есть люди, для него неблагонамѣренные; нахмурился, заговорилъ какой-то вздоръ и, когда одинъ изъ гостей упрекнулъ его, прибавивъ, зачѣмъ бы звать и на обѣдъ, вспылилъ, крикнулъ: «такъ,—не надо,» дернулъ за скатерть, перебилъ посуду, и мы разошлись. Этотъ грубый и дерзкій поступокъ насъ однако не удивилъ.

Проживъ въ Вифаніи шесть лѣтъ, я пріунылъ; и жизнь и служба сдѣлались для меня скучны. Но должности профессора одни и тѣ же зады; по секретарству—только и жди непріятности; семинарскій бытъ сталъ надоѣдать, впереди ничего не видно, пожалуй застоишься и прокиснешь. На четвертый курсъ мнѣ не хотѣлось остаться; но, къ несчастію, въ концѣ третьяго курса я сдѣлался болѣнъ, и болѣнъ такъ, что о перемѣнѣ состоянія и думать было нечего. Для излеченія долженъ былъ отправиться въ Москву и прожить въ ней нѣсколько мѣсяцевъ.

Получивъ докторское разрѣшеніе отправиться къ должности, явился я къ митрополиту, который зналъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ по причинѣ болѣзни; надобно было принять благословеніе, а главное—я имѣлъ благовидный предлогъ лично испросить увольненіе отъ должности секретаря. Ректоръ хотя былъ не въ такой уже милости у митрополита, какъ прежде, но все же не хотѣлось мнѣ, подъ конецъ службы въ семинаріи, ссориться съ своимъ безалабернымъ начальникомъ. Митрополитъ принялъ меня благосклонно, и замѣтивъ, что я не отказываюсь отъ училищной службы, предложилъ мнѣ постричься въ монахи, обѣщая свое покровительство. Трудно было устоять противъ предложенія, но я устоялъ, сказавъ: не могу вдругъ рѣшиться; къ монашескому званію я себя не готовилъ и чувствую, что здоровье мое очень не надежно и, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время я не гожусь къ уединенной иноческой жизни. Митрополитъ не возразилъ и сказалъ: «ну, поправляйся! а тамъ подумаешь.» Я попросилъ объ увольненіи отъ секретарства, онъ приказалъ подать просьбу, и повторивъ: «поправляйся, тебѣ въ самомъ дѣлѣ тяжело,» отпустилъ съ благословеніемъ на путь.

Въ Вифаніи меня ждали. Тамъ знали, что я скоро пріѣду, и остановили правленскія дѣла до моего пріѣзда. Наступилъ уже декабрь мѣсяцъ, скоро конецъ года, а дѣлъ накопилось много; надобно очищаться. Ректоръ встрѣтилъ меня чуть не выговоромъ, зачѣмъ проболѣлъ такъ долго; товарищи же были рады, и поздравляя меня съ пріѣздомъ и выздоровленіемъ, жаловались на рек-

тора по прежнему и разсказывали объ немъ кое-какіе анекдоты, случившіеся въ мое отсутствіе. Управившись съ дѣлами, я подалъ въ отставку отъ секретарства. Сначала ректоръ не принялъ было моей просьбы, и прочимъ членамъ правленія показалось непріятно, особенно инспектору, съ которымъ жили мы дружно и поддерживали другъ друга противъ ректора. Всѣ стали уговаривать; но я рѣшительно настаивалъ, чтобъ согласились, поставляя причиною, что по слабости здоровья много заниматься не могу и мнѣ нуженъ покой, а напряженныя занятія разстроятъ меня совершенно. Ректоръ терпѣть меня не могъ; но, по своей привычкѣ ни съ кѣмъ не соглашаться и никому не дѣлать добра, если нѣтъ собственной выгоды, уперся и сказалъ: «мы представимъ объ увольненіи; но я напишу ко владыкѣ, чтобы онъ не утверждалъ нашего представленія, какъ неблаговременнаго.» Я согласился, зная, что митрополитъ вспомнитъ о моей просьбѣ и представленіе семинарскаго правленія утвердитъ. Такъ и вышло: меня уволили, я сдалъ дѣла исправно, и избавившись отъ тягостныхъ сношеній съ ректоромъ, скоро поправился въ здоровьи.

Не въ бытность секретаремъ, а уже въ отставкѣ, я подпалъ искушенію лихоимства, что случилось такъ: въ Вифанской семинаріи много было въ мое время учениковъ изъ владимірской епархіи; причина сему та, что Вифанія стоитъ на самой границѣ между губерніями московскою и владимірскою и для многихъ она ближе своей семинаріи, во Владимірѣ. Владимірцы, учась въ Вифаніи, содержались на своемъ коштѣ, т.-е. вносили за содержаніе пищею, извѣстное количество денегъ, и именно: 40, 30 и 20 руб. въ годъ каждый, смотря по состоянію отца или по возможности. Вносы шли безпорядочно и несвоевременно; бывшій ректоръ, по добротѣ или изъ милосердія, не только понужденій не дѣлалъ, но иногда или совсѣмъ прощалъ невносы или понижалъ оклады. Такимъ образомъ годъ отъ году накоплялись недоимки, и къ выходу ректора накопилось ихъ до 500 руб.

Когда ректора назначили въ епископа, надобно было сдать семинарію во всѣхъ частяхъ управленія. Съ преемникомъ, какъ всѣ знали, имѣть дѣло трудно; недочетовъ и опущеній онъ на себя не приметъ, а пожалуй еще воспользуется случаемъ и очернитъ и предмѣстника и семинарію: положили разослать и разослали циркулярныя отношенія къ благочиннымъ владимірской епархіи о немедленномъ взысканіи и доставленіи въ семинарію недоимокъ, съ кого что причиталось. Вслѣдствіе чего стали поступать недоимки. Но какъ во время приготовленія къ сдачѣ семинаріи всего собрать было невозможно, и собрано было не больше половины, то другую половину придумали покрыть частію излишками отъ другихъ семинарскихъ суммъ, а частію изъ собственнаго кошелька ректора.

Сдача кончилась благополучно. Бывшій ректоръ, получивъ отъ пріемщика сдаточный листъ, тотчасъ отправился къ мѣсту новаго своего служенія; покрытыя же недоимки, такъ какъ это сдѣлано было келейно, мало-по-малу поступали. Собирали ихъ экономъ и инспекторъ, какъ лица давно извѣстныя въ семинаріи, да и въ отношеніяхъ къ благочиннымъ такъ было назначено. Въ теченіе года такихъ недоимокъ собрано было болѣе 200 р.

Сперва экономъ и инспекторъ затруднялись, принимать ли вносимыя недоимки, и принявши, куда дѣвать деньги; поэтому сошлись на совѣтъ и къ совѣтъ пригласили меня. Въ совѣтѣ долго мы разсуждали, что дѣлать: не принимать—значитъ выдать тайну и оскорбить бывшаго ректора, котораго мы любили; а принимать—какъ-то совѣстно, и не знали, куда обратить деньги. Наконецъ рѣшили принимать, выдавая квитанціи задпимъ числомъ, до времени сдачи семинаріи, а деньги пропировать; не въ церковь же ихъ вносить инкогнито или раздавать нищимъ, на что впрочемъ и догадки у насъ не было.

Рѣшено и сдѣлано. О рѣшеніи никто, кромѣ насъ троихъ, не зналъ, и дѣло прошло, не встрѣтивъ ни сучка ни задоринки. Разъ или два, подъ благовидными предлогами, сдѣлали пирушку для всѣхъ, исключая ректора, и издержали рублей до 30; а въ третій разъ побоялись, чтобъ не навести какого подозрѣнія на себя. Согласились остальныя деньги раздѣлить между собою, предоставивъ каждому употребить свою долю, какъ хочетъ. Мнѣ досталось семдесять рублей, и ихъ я обратилъ въ подмогу къ своему содержанію, которое, безъ секретарскаго жалованья, сдѣлалось для меня немного затруднительно.

За то, что я три учебные мѣсяца проболѣлъ и за меня исправляли должности, случилось мнѣ въ четвертомъ курсѣ поплатиться тѣмъ же. Въ 1826 году вышелъ у насъ профессоръ философіи во священника; на его мѣсто прислали изъ Петербурга человѣка, съ слабымъ здоровьемъ и не очень воздержнаго. Присланный часто заболѣвалъ, и въ началѣ втораго учебнаго года померъ. Кончившіе въ этотъ годъ академическій курсъ студенты были уже размѣщены, найдти способнаго кандидата на философскую каѳедру скоро не предвидѣлось, а потому продолжать философію надобно было поручить кому-нибудь изъ своихъ, и поручили мнѣ, съ резолюціи митрополита.

Прежде, касательно порученія особыхъ должностей, законный порядокъ былъ такой: чиновникъ, на котораго возлагалось исправленіе должности за другаго, получалъ, сверхъ оклада по своей должности, половину оклада по должности чужой; но къ тому времени, когда мнѣ, кромѣ своей каѳедры, дали другую, вышло постановленіе давать жалованье исправляющимъ двѣ должности не по обѣимъ должностямъ, а по одной, по которой окладъ выше.

Митрополитъ, разрѣшая представленіе о порученіи мнѣ другой должности, примѣнилъ къ дѣлу новый законъ и въ половинѣ жалованья по должности другаго профессора мнѣ отказалъ. А какъ оклады у всѣхъ профессоровъ и учителей въ семинаріяхъ равны, то я ничѣмъ не могъ воспользоваться и по силѣ новаго закона, и протрудился почти полгода безъ всякой мзды.

Правильно ли поступилъ митрополитъ или неправильно, я не сужу и не судилъ; но милость—утвердить представленіе вполнѣ—казалась мнѣ возможною законно. Деньги мнѣ были очень нужны; въ четвертомъ курсѣ я получалъ одно профессорское жалованье 650 рублей, чѣмъ нельзя было содержаться съ семействомъ, какое я при себѣ имѣлъ. Митрополитъ это зналъ, но не разсудилъ оказать мнѣ своей милости.

Несмотря однако на непріятность, какую произвела во мнѣ резолюція митрополита, я занялся философскимъ классомъ рачительно. Прошло уже полкурса и мнѣ досталось читать психологію. По учебнику Винклера читать мнѣ не хотѣлось; я написалъ психологію свою, на языкѣ латинскомъ и въ теченіе первой половины втораго года, т.-е. отъ вакаціи до Рождества Христова, кончилъ ее и повторилъ съ учениками все, что пройдено было до меня изъ метафизики вообще. Предъ Рождествомъ, какъ и всегда, былъ экзаменъ; на экзаменъ прибыли нѣкоторые академическіе профессора и баккалавры. Экзаменъ въ философскомъ отдѣленіи, гдѣ я, исключая греческаго языка, всему училъ одинъ, прошелъ хорошо, и мои психологическія лекціи были одобрены. Это только и было наградою за мои труды, не легкіе, по крайней мѣрѣ и не непріятные для меня.

Во второй годъ четвертаго моего курса выбылъ отъ насъ нашъ, никѣмъ не любимый и для всѣхъ несносный ректоръ; чего не случилось бы такъ скоро и намъ долго бы пришлось возиться съ его безпокойнымъ характеромъ, еслибы сама, такъ сказать, судьба за насъ не вступилась. Бывъ прежде протежэ митрополита, ректоръ этотъ презрѣлъ покровительствомъ своего владыки и выигралъ протекцію митрополита кіевскаго. Въ годъ кончины покойнаго Государя Александра, московскій митрополитъ какъ-то разъединился съ святѣйшимъ Синодомъ и главную роль въ Синодѣ занялъ кіевскій. Во время коронаціи Императора Николая, Синодъ былъ въ Москвѣ, былъ и митрополитъ кіевскій и стоялъ въ Высоко-петровскомъ монастырѣ, котораго настоятелемъ былъ нашъ ректоръ. Постоялецъ обласкалъ хозяина, а хозяинъ подбился къ постояльцу и принялъ его сторону, противъ своего митрополита. Въ Кіевѣ ректоръ семинаріи былъ тѣснимъ своимъ митрополитомъ и горько вопіялъ и жаловался московскому. Послѣ коронаціи всѣ члены Синода возвратились въ Петербургъ. Государь Николай пригласилъ въ Петербургъ и митрополита мо-

ковскаго. Между тѣмъ въ кіевской академіи открылась вакансія ректора. Когда въ Синодѣ стали разсуждать, кого назначить на открывшуюся вакансію, московскій митрополитъ, слыша отъ кіевскаго похвальные отзывы о своемъ впѳанскомъ ректорѣ, предложилъ назначить выхваленнаго недостойно. Предложенія нельзя было не принять; приняли, и такимъ образомъ избавились мы тяжелаго своего начальника. На его мѣсто перевели къ намъ ректора кіевской семинаріи, человѣка тоже незавиднаго, по крайней мѣрѣ болѣе сноснаго и не такъ сумазброднаго.

Я въ это время числился уже въ свѣтскомъ званіи и имѣлъ чинъ 8 класса. Послѣ сдѣланнаго мнѣ митрополитомъ приглашенія пойдти въ монахи, я долго думалъ и можетъ быть надумался бы, еслибъ въ ректорѣ своемъ видѣлъ добраго начальника или зналъ, что онъ скоро выбудетъ. Не желая поступить во священники и не рѣшаясь быть монахомъ, я посовѣтовался съ сестрою, и съ ея согласія, послалъ въ коммиссію духовныхъ училищъ просьбу объ увольненіи изъ духовнаго званія вовсе. Коммиссія потребовала съ меня уплаты магистерскаго оклада, который мнѣ, какъ изъявившему желаніе быть въ духовномъ званіи, производился цѣлые шесть лѣтъ. Ректоръ былъ радъ, что можетъ поперечить моему увольненію; но спасибо, вступился митрополитъ, и окладъ обратили мнѣ въ награду, а затѣмъ вскорѣ дали и чинъ. Ректору нечего было взять, однако онъ нашелся и тутъ сдѣлать мнѣ хоть маленькую досаду—прицѣпился къ чину. Когда чинъ прислали, надобно было привести меня къ присягѣ: ректоръ сочинилъ присягу свою, грозную и велеречивую, листа въ полтора; по ней я долженъ былъ сперва поклясться, что доселѣ служилъ честно, вѣрою и правдою, никакихъ пакостей не дѣлалъ и противъ него ничего не замышлялъ; потомъ исчислены были всѣ, могущія быть на службѣ злотворства, отъ нихъ я обязывался отречься какъ отъ дьявола при крещеніи—дунуть и плюнуть; наконецъ, подъ угрозою страшной кары отъ Бога, долженъ дать клятвенное обѣщаніе, что впредь буду служить вѣрно и съ полнымъ усердіемъ и держать себя въ совершенномъ послушаніи къ нему и прочимъ начальникамъ. Желая дать болѣе извѣстности и торжественности акту присяги, составитель ея назначилъ особый день, открылъ присутствіе въ своей залѣ и собралъ всѣ начала и власти впѳанскія. Когда явился я въ это чрезвычайное собраніе, ректоръ далъ мнѣ предварительно прочесть свой проэктъ присяги и спросилъ: «хорошо ли и не нужно ли что еще прибавить?» я сказалъ: «совсѣмъ ничего не нужно; есть форма присяги, установленная закономъ,» и подалъ ему приготовленный мною присяжный листъ. Прочтя листъ, ректоръ возразилъ: «чтожъ? въ моемъ проэктѣ все это есть, только изложено полнѣе и внятнѣе; нѣтъ, примите по проэкту.» Въ это время входитъ въ при-

сутствіе учитель словесности и на послѣднія слова ректора говоритъ: «вѣдь присяжный листъ надобно подписать свидѣтелямъ, и онъ пойдетъ въ сенатъ; не подпасть бы какъ отвѣтственности за приведеніе къ присягѣ не по узаконенной формѣ. Если вы, о. ректоръ, приведете къ присягѣ по проэкту, я первый не подпишусь, да думаю, и никто не согласится подписать такого присяжнаго листа.» Поддержанный замѣчаніями учителя словесности, я прибавилъ: «по проэкту я не стану присягать.» Всѣ прочіе, кто былъ въ собраніи, приняли мою сторону; ректоръ, въ досадѣ и къ стыду, принужденъ былъ оставить свои затѣи, и я принялъ присягу по формѣ.

Получивъ чинъ, и рѣшительно сталъ думать, какъ устроить себя по увольненіи изъ семинаріи, гдѣ на первый разъ пріютиться, къ кому обратиться отбившись отъ своего пути; изъ свѣтскихъ лицъ никто меня не знаетъ, никого не знаю и я. Будущее крѣпко меня тревожило: я понималъ, что безъ покровительства трудно нашему брату сыскать мѣсто въ гражданской службѣ, а если и сыщешь какъ на счастье, не мудрено попасть на такую дорогу, на которой сотрутъ тебя въ пыль и прахъ. Но я чувствовалъ достаточныя въ себѣ силы служить съ пользою вездѣ, гдѣ бы служить ни привелось; а потому, поставивъ правиломъ не жалѣть, для пользы службы, ни трудовъ, ни времени, ни здоровья, ни другихъ свойственныхъ выгодъ, положился въ настоящемъ случаѣ на волю Божію. У всякаго свой талантъ. Я вѣрилъ, что есть и у меня талантъ, который погубить я не хочу; а если не хочу, то онъ и не погибнетъ и я не потеряюсь. Я разсуждалъ: Провидѣнію не угодно было, чтобы въ массѣ его дѣятелей на землѣ служилъ священникомъ или монахомъ, хоть я самъ и не прочь былъ отъ этихъ званій или чиновъ; значитъ, если я только желаю быть полезнымъ, гдѣ бы то ни было, Провидѣніе укажетъ мнѣ мѣсто на томъ поприщѣ, по которому оно назначило мнѣ идти.

Съ такими успокоивающими мыслями, я въ сентябрѣ 1828 года выѣхалъ изъ Вифаніи благополучно и поселился въ Москвѣ, въ домѣ старшаго зятя, до пріисканія мѣста. Сестра съ дѣтьми перебралась туда еще въ іюлѣ мѣсяцѣ и старшій племянникъ, приготовленный мною къ реторическому классу, былъ принятъ и учился уже въ московской семинаріи.

Въ Москву я пріѣхалъ ночью, въ 11 часовъ. Утромъ же, не успѣлъ я еще встать, является изъ семинаріи племянникъ, посланный за мною нарочно, съ тѣмъ, чтобъ я нимало не медля, прибылъ къ ректору для какого-то нужнаго дѣла. Пріѣзжаю—ректоръ говоритъ: «вчера призывалъ меня къ себѣ митрополитъ и спрашивалъ, не имѣю ли я кого въ виду изъ свободныхъ отъ службы и достойныхъ рекомендаціи профессоровъ, который бы согласился быть домашнимъ учителемъ; его внукъ просить одинъ

генералъ, для своего сына. Я указалъ на васъ, и митрополитъ приказалъ прислать васъ къ нему нынѣ же».

Я возразилъ: «быть домашнимъ учителемъ я совсѣмъ не намѣренъ; я ищу службы коронной; мнѣ уже 33 года, а служить я еще не умѣю, надобно учиться. Напрасно вы на меня указали.»

— Чтожъ? бѣды нѣтъ! Можете это сказать самому преосвященному; онъ не потянетъ васъ насильно. а попадете въ добрый часъ, дастъ еще благой совѣтъ или поможетъ вамъ въ пріисканіи мѣста службы.

Видя, что ректоръ говоритъ дѣло, я поблагодарилъ его за рекомендацію и тутъ же поѣхалъ къ митрополиту. Митрополитъ спросилъ, давно ли я въ Москвѣ; я сказалъ, что вчера только пріѣхалъ. Разумѣется, было бы не хорошо, еслибъ я пріѣхавши долго къ нему не явился. Митрополитъ продолжалъ:

«Вотъ, проситъ у меня такой-то генералъ наставника или ментора своему сыну, не столько для того, чтобъ учить самому, сколько смотрѣть за учителями и за ходомъ образованія, которое предполагаетъ онъ продолжать шесть лѣтъ—три года въ Россіи и три года за границею. Не согласишься ли ты принять на себя эту обязанность?»

Я повторилъ митрополиту свои мысли, сказанныя ректору, и прибавилъ: «еслибъ эту частную обязанность можно было соединить со службою, я согласился бы охотно; помимо же службы— не могу, много потеряю.»

«Развѣ ты имѣешь въ виду какое мѣсто?»

— Никакого, владыка: прошу, не лишите меня въ настоящемъ случаѣ, вашей милости.

«Что я могу сдѣлать? Вѣдь въ секретари консисторіи ты не пойдешь?

— Я еще не опытенъ, а должность секретаря требуетъ опытности.

«Такъ согласись принять должность домашняго наставника; это тебѣ по силамъ, а тамъ увидишь, какъ поступить далѣе. Генералъ тебя не оставитъ; онъ постарается устроить и твое положеніе. Нынѣ запрещено числиться на службѣ, не служа; впрочемъ я поговорю съ генераломъ о затрудняющемъ тебя обстоятельствѣ. Приходи ко мнѣ завтра въ 12 часовъ; въ это время онъ у меня будетъ, и я тебя представлю.»

На другой день я явился къ митрополиту нѣсколько раньше: черезъ четверть часа пріѣзжаетъ генералъ. Митрополитъ представилъ меня съ легкою рекомендаціею, генералъ взялъ у меня руку и сказалъ: «не безпокойтесь, Богъ милостивъ, моя будетъ забота, чтобы вы ничего не потеряли по службѣ.» Затѣмъ. поблагодаривъ митрополита. генералъ взялъ меня съ собою на свою квартиру.